

ХУАНО
КОРТАСАР

Сиеста взвоем

Вспомне тебе такое не приснится...

СТИЛЬ
НОВЫЙ

Хулио Кортасар

Конец игры

«Public Domain»

Кортасар Х.

Конец игры / Х. Кортасар — «Public Domain»,

«Сиеста вдвоем» – коллекция избранных произведений классика мировой литературы аргентинского писателя Хулио Кортасара (1914 – 1984). В настоящем издании представлены наиболее характерные для автора рассказы, написанные в разные годы. За исключением рассказов «Здоровье больных» и «Конец игры» все произведения печатаются в новых переводах, специально подготовленных для настоящего издания. Все переводы, составившие книгу, выполнены Эллой Владимировной Брагинской.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

7

Хулио Кортасар

Конец игры

После обеда, в самую жару, мы – Летисия, Оланда и я – убегали к железной дороге. Выскальзывали из дому через белую калитку, как только мама и тетя Руфь уходили к себе отдыхать. Мама и тетя Руфь не любили мыть посуду, просто не выносили это занятие, особенно когда мы с Оландой вытирали тарелки. А мы хихикали под их бесконечные споры, нарочно роняли ложечки на пол в этой полутемной кухне, где застоялся запах жира и требовательно, утробно мяукал Хосе, и где, как правило, все заканчивалось бурной ссорой и всеобщим разладом.

Оланда, та умела затевать скандалы! Могла нарочно уронить чистый стакан в миску с грязной водой или вдруг, вроде бы невзначай, заметить, что у наших соседей не одна служанка, а целых две. Я действовала иначе, я могла с тайным злорадством сказать тете Руфи, что ей бы лучше полоскать посуду, а не портить каждый день руки чистой кастрюль. Наша мамочка, разумеется, не прикасалась к кастрюлям, ну и я, попросту говоря, настраивала их друг против друга – мол, вот и разбирайтесь сами, кто что делает в доме. Когда же они обе совсем доводили нас попреками и своими вечными распрями, мы со зла делали Бог знает что, могли решиться на любую дерзость, я бы сказала, на героический шаг. Могли взять и полить из горячего чайника старого Хосе. Говорят, ошпаренный кот и холодной воды боится, ну а наш всегда вертелся возле плиты, прямо напрашивался, плесните водичкой градусов в сто. Пусть не в сто, а поменьше, гораздо меньше, и с котом ничего страшного – жив-здоров, а в доме ужас – несусветные крики, которые всегда венчал знаменитый си-бемоль тети Руфи. Пока мама металась в поисках палки, мы с Оландой успевали удрать на крытую галерею и спрятаться в дальней комнате, где нас ждала Летисия, она там часами зачитывалась – к нашему удивлению – Понсоном дю Террайлем¹. Мама бежала за нами чуть не до самой двери, но по дороге у нее пропадала охота поколотить нас. А устав слушать, как мы, запершись изнутри, вымаливали с театральным надрывом прощение, она уходила, выкрикивая одно и то же:

– Вот мерзавки! Вы кончите улицей!

Зато все наши беды кончались там, у насыпи железной дороги, куда мы убегали, как только в доме водворялась тишина и даже кот, растянувшись в тени душистого лимона, засыпал под мерное жужжание пчел. Мы тихонько отворяли белую калитку, и, едва она закрывалась за нами, сам ветер, сама свобода подхватывали нас и, будто невесомых, бросали вперед. Мы с разбега взлетали на железнодорожную насыпь и оттуда, смолкнув, осматривали наше царство.

У нас и правда было настоящее царство. Оно было там, где железная дорога выгибалась дугой и чуть ли не вплотную подходила к задкам нашего дома. А в том царстве – две колеи, щебень, жалкая травка, нелепая среди битого камня, но зато мелкие осколки гранита, в которых бриллиантами сверкали кварц, полевой шпат и слюда. Торопливо, с опаской – боялись вовсе не поезда, а домашних, которые могли нас увидеть в любую минуту, – мы ложились на рельсы, и прямо в лицо ударяло жаром раскаленных камней. А выпрямившись, мы быстро поворачивались в сторону реки, и нас обдавало влажным горячим ветром, от которого мокрыми становились щеки и даже уши. Мы сбегали вниз, снова карабкались вверх по насыпи, и так по многу раз – из сухого зноя в пекло, пропитанное влагой. Нам нравилось прижимать ладони к разгоряченному лицу и чувствовать, как по телу ручейками стекает пот. А перед глазами – то шпалы, то река, вернее, кусочек реки цвета кофе с молоком.

¹ Понсон дю Террайль, Пьер Алексис (1829-1871) – французский писатель, автор многочисленных романов о Рокамболе.

Потом, сбежав с насыпи, мы усаживались в жидкой тени ив, притулившихся к каменному забору нашего сада, куда выходила заветная калитка. Тут под ивами была столица нашего царства, волшебный город, святая святых всех наших игр. Игры придумывала Летисия, самая счастливая из нас. Ей жилось как в сказке, с нами – не сравнить! Посуду она не вытирала, постель не застилала, целый день могла склеивать фигурки или читать, ей все разрешалось, даже сидеть допоздна со взрослыми, если захочет. Да разве только это? А отдельная комната? А какие сладости? Да сколько еще всяких поблажек и привилегий! Летисия, конечно, научилась пользоваться своим положением. Она сделалась главной не только в наших играх, но и вообще в нашем царстве. А мы? Мы подчинялись ей беспрекословно, даже с удовольствием. Может, дело в маминых наставлениях? Она с утра до вечера учила, как надо обращаться с Летисией. А может, мы просто очень любили свою сестренку и нам не мешало, что она командует везде и всюду. Хотя по своему виду Летисия никак не годилась в командиры. Она была меньше всех ростом и страшно худая. Оланда – тоже худая, да и я весила не больше пятидесяти килограммов. Но Летисия была по-особому худая – кожа да кости, а шея и уши какие-то бескровные. Наверно, это из-за болезни, у нее больной позвоночник. Она совсем не могла поворачивать голову и была похожа на гладильную лоску, обтянутую белым полотном, что стояла на кухне у наших соседей. Самая настоящая гладильная доска, а вот крутила-вертела нами, как ей вздумается!

С каким злорадством я представляла себе, что будет в доме, когда мама с тетей узнают наконец о нашей главной игре. Обмороки и визгливый си-бемоль тетушки Руфи – это всене-пременно. Затем пойдут стенания о загубленной жизни и напрасных жертвах, затем попреки в неблагодарности, ну и весь список наказаний, которые мы, разумеется, вполне заслужили. И конечно, раздастся знакомое: «Мерзавки! Вы кончите улицей!» А чем плоха улица, что в ней страшного – нам невдомек.

Перед началом игры Летисия заставляла тянуть жребий. То мы угадывали, в какой руке камешек, то считали до двадцати одного, то еще что-нибудь... Считая до двадцати одного, придумывали, что нас не трое, а пять или шесть. Если выходила какая-нибудь из воображаемых девочек, все начинали сначала, пока двадцать первым не становился кто-либо из нас. Лишь после этого мы с Оландой отодвигали тяжелый камень, под которым в ямке стояла коробка с нашими украшениями. Выиграет, допустим, Оланда, и мы с Летисией подбираем ей украшения на наш вкус. У нас, собственно, было две игры. Одну мы называли «Статуи», другую – «Живые картины». Во второй – главное не наряды, а выражение лица, верный жест. Вот, к примеру, «Зависть» – значит, надо оскалить зубы и стиснуть руки, да так, чтобы пальцы побелели от напряжения. «Милосердие»? Пожалуйста – ангельское личико, глаза к небу и что-нибудь в протянутых руках – лоскуток, веточка ивы, мяч, словом, какой-то подарок сиротке. Проще простого изобразить «Стыд» или «Страх». А вот «Злость» или там «Ревность» выходили у нас с трудом. Украшения шли в ход, когда мы делали статуи. Тут больше простора для фантазии. Мы подолгу обсуждали каждую мелочь, чтобы вышло поинтереснее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.